

«Письмо русского путешественника из Варны» («Первое письмо из Болгарии») В. Г. Теплякова: опыт комментирования

Виктор Григорьевич Тепляков (15.08.1804, Тверь — 09.10.1842, Париж) — поэт, прозаик, путешественник. По окончании Благородного пансиона при Московском университете поступил юнкером в Павлоградский гусарский полк; в 1824 г. произведен в поручики; с марта 1825 г. в отставке. 20 апреля 1826 г. за уклонение от присяги Николаю I арестован по обвинению в политической неблагонадежности и заключен в Петропавловскую крепость. После церковного покаяния в ноябре 1826 г. выслан в Херсон под надзор полиции. В 1828 г. В. Г. Тепляков определен в штат новороссийского и бессарабского губернатора М. С. Воронцова. В марте 1829 г. по предложению директора Одесского музея И. П. Бларамберга командирован для собирания древностей в Варну и соседние области. Пребывание В. Г. Теплякова на Балканах по времени совпало с русско-турецкой кампанией 1828–1829 гг. В 1834 г. В. Г. Тепляков посетил Константинополь, Грецию и Малую Азию. Вернувшись в Россию в 1835 г., он прожил около года в Петербурге, где встречался с А. С. Пушкиным, В. Ф. Одоевским, П. А. Плетневым, посещал субботы В. А. Жуковского. Летом 1835 г. В. Г. Тепляков вновь отправился на Ближний Восток. В 1841–1842 гг. он путешествовал по Западной Европе. Погребен на кладбище Монмартр.

Жизнь и творчество В. Г. Теплякова нечасто становились предметом научного исследования. Но на сегодняшний день обращение к наследию В. Г. Теплякова следует считать актуальным и перспективным, т. к. оно поможет расширить представления о художественном своеобразии поэзии «пушкинского окружения», реконструировать мировоззренческий контекст эпохи 1820–1830-х гг. и понять истоки дальнейших тенденций литературной жизни.

В начале 1830-х гг. завязываются отношения В. Г. Теплякова с писателями пушкинского круга. Из Одессы он посылает свои про-

изведения О. М. Сомову для публикации в «Литературной газете» и «Северных цветах». Сохранились письма О. М. Сомова, где он благодарил В. Г. Теплякова за «прекрасные южные цветки», которыми поэт «украшает газету» [Русская старина 1896: 661] и сообщал, в частности, что А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, П. А. Вяземский называли В. Г. Теплякова «своим знакомцем по чувству и таланту» [Русская старина 1896: 662].

Первое «Письмо русского путешественника из Варны. Варна 29 марта 1829 года» было напечатано в № 6 «Литературной газеты» за 1830 г. [Тепляков 1830а: 41–43]. В редакционном примечании говорилось: «Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к Сочинителю, — вот отличительный характер его писем...» [Тепляков 1830а: 41]. Данная часть примечания, как показывает В. В. Виноградов, могла быть составлена А. С. Пушкиным [Виноградов 1939: 457]. В письме к В. Г. Теплякову от 3 февраля 1830 г. О. М. Сомов писал: «Вы удивили и порадовали меня и стихами, и прозой, еще более последнюю; ибо у нас редко кто соединяет дар владеть языком рассудительной, холодной прозы. Первое письмо ваше к Алексею Григорьевичу есть приступ богатый и полный жизни. Я любовался также вашим отчетом, дельным и оживленным мыслью и слогом» [Русская старина 1896: 659–660]. Хвалебный отзыв О. М. Сомова о прозе Теплякова заслуживает особого внимания, поскольку сам О. М. Сомов неоднократно сетовал в своих критических статьях на отсутствие языка русской беллетристики — своего рода «среднего стиля», ориентированного на разговорный язык образованного общества, чуждого и архаизмов, и чрезмерной романтической аффектации.

При этом сравнение текста «Первого письма», вошедшего в отдельное издание «Писем из Болгарии», с журнальной публикацией позволяет предполагать, что в «Литературной газете» он был подвергнут некоторой правке, принадлежавшей, по-видимому, тому

же О. М. Сомову и направленной как раз на то, чтобы максимально сгладить и нивелировать грамматические и стилистические «неровности» очерка В. Г. Теплякова, сделать повествование более динамичным. Так, были сокращены некоторые, вероятно показавшиеся издателям несколько тяжеловесными, описания и рассуждения (например, о месте погребения Овидия и происхождении названия Добруджи), археологические, исторические и географические подробности, лирические отступления, связанные с описанием погоды или душевных переживаний в момент расставания с родиной. Достаточно архаичные формы «освоиться» и «полистовав» («Конечно, мне надлежало бы хотя мимоходом освоиться с оракулами антиквариев: полистовав предварительно Стравона...» [Тепляков 1833: 4]) соответственно были заменены более нейтральными «посоветоваться» и «полистав». Словосочетание «божественный поэт» («...не безрассудно ли бы и с моей стороны было искать слов для выражения чувств, наполнявших мою сирую душу, при виде сей дикой, безжизненной полосы земли, которая орошена слезами божественного поэта, освящена прахом бессмертного изгнанника» [Тепляков 1833: 13–14]) редакторы, видимо, посчитали избыточным в соседстве с парафразой «бессмертный изгнанник» и поставили просто имя поэта — Овидий. Сочетание «долгая и столь забавная навигация» [Тепляков 1833: 24] сократили до «долгого плавания». В некоторых местах также можно предполагать цензурные замены. Так, из текста В. Г. Теплякова был удален отрывок о таможенном досмотре («Таможенная гроза собралась и довольно быстро развеялась над моими чемоданами; врата карантинной пристани разверзлись и скрыпя затворились за мною» [Тепляков 1833: 5]), а выражение «меркантильная Одесса» [Тепляков 1833: 7] было изменено на «роскошная Одесса».

«Письмо второе из Варны» появилось также в «Литературной газете» за 1830 г. [Тепляков 1830б: 227–232]; «Письмо III из Турции» — в «Северных цветах» на 1831 г. [Тепляков 1831а: 177–224].

Отдельной книгой «Письма из Болгарии» были изданы в 1833 г. Все 7 писем были написаны с конца марта по начало мая 1829 г.: первые три письма адресованы брату поэта — А. Г. Теплякову (Варна, 29 марта; Варна, 4 апреля; Варна 14 апреля); «Четвертое письмо» — Г. А. Римскому-Корсакову (Гебеджи, 22 апреля); последние три письма — снова А. Г. Теплякову (Девно, 24 апреля; Праводы, 30 апреля; Варна, 10 мая). В этих письмах В. Г. Тепляков излагает результаты своих археологических изысканий, описывает быт и нравы местного населения, а также собственные впечатления и размышления по поводу истории и культуры Балкан.

В сознании самого В. Г. Теплякова и его современников «Письма из Болгарии» неразрывно были связаны с «Фракийскими элегиями». Так, в примечании к первой фракийской элегии в сборнике 1836 г. В. Г. Тепляков писал: «Общими примечаниями к этой и другим “Фракийским элегиям” могут служить изданные за два года перед сим «Письма из Болгарии», археологическое путешествие автора по древней Мизии во время кампании 1829 года» [Тепляков 1836: 85]. Каждая из 7 «Фракийских элегий» соотносится с определенным (-ми) «Письмом из Болгарии» и может быть рассмотрена как его лирическое продолжение. Возможно, в этом смысле В. Г. Тепляков продолжает пушкинскую традицию прямого соотнесения лиро-эпических и прозаических произведений: в качестве примечаний для поэмы «Бахчисарайский фонтан» с 1830 г. печатался переработанный «Отрывок из письма к Д.», ранее опубликованный в альманахе «Северные цветы» на 1826 г.

Существует мнение, что «Письма из Болгарии» и «Фракийские элегии» следует рассматривать как два самостоятельных цикла, прозаический и поэтический, выполняющих разные задачи [Строганов 2009]. Очевидно, что связь между этими книгами В. Г. Теплякова не только тематическая. В августе 1830 г. после поездки в Симферополь В. Г. Тепляков создает «Письмо из Крыма к М. И. Л.», где излагает свою художественную концепцию как автора очерковых заметок:

Не намерен писать ни картин, ни академических рассказов; но если этот легкий, небрежный абрис, посредством коего древние мексиканцы имели, как говорят, обыкновение выражать иногда беглую мысль свою; если очерк нарумяненных чувств и схваченных на лету впечатлений может доставить вам хотя минутное удовольствие, то письмо сие достигнет вполне своего предназначения [Тепляков 1831б: 111–112].

В одном из своих номеров «Одесский Вестник» разместил письмо В. Г. Теплякова брату от 14 января 1833 г., которое стало частью предисловия к «Письмам из Болгарии» и в котором автор рассказывал не о причинах и целях своего путешествия, а старался приоткрыть читателю замысел своего произведения, обосновать выбор жанровой формы:

Впрочем, вот в чем главное дело. *Письма из Болгарии* подавлены, так сказать, *плеоназмом* чувств, мыслей, воспоминаний, посторонних для напудренных пылью педантов, хотя и возбужденных картинами тех же самых гробниц, тех же самых развалин, тех же самых памятников древности, в изображении коих заключалась прямая цель моего странствия. Но куда же деваться с этой личностью излишних, коих я отнюдь не желал никому, кроме одних вас исповедовать... [Тепляков 1833: X–XI].

«Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова, помимо необходимой фактической, очерковой составляющей описания, строятся на основе аллюзий к образно-мотивной структуре собственных текстов, а также к широкому кругу произведений русской и западно-европейской литературы (Дж. Байрон, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. П. Сумароков, Шекспир, Д. Свифт, И. Гете, П.-Ж. Беранже и др.). Например, в «Первом письме» видны параллели с «Книгой эскизов Джеффри Крейна, джентельмена» (“The Sketch Book of Geoffrey Crayon, Gent.”) В. Ирвинга. Джеффри Крейн — путешествующий художник, который в «Рассказе автора о себе» (“The Author’s Account of Himself”) заявляет, что смотрит на окружающие события больше поэтиче-

ски, чем политически: “I longed to wander over the scenes of renowned achievement — to tread, as it were, in the footsteps of antiquity — to loiter about the ruined castle — to meditate on the falling tower — to escape, in short, from the common-place realities of the present, and lose myself among the shadowy grandeurs of the past”¹ [Irving 1825: 6]. Как и героя-путешественника В. Ирвинга, В. Г. Теплякова мало привлекают военные события, его интересует историческое и культурное прошлое Балканского полуострова. Кроме того, присутствует и прямая текстовая параллель: «...Кто бы не был рад, говорю я, погрузиться в поэтическое величие минувшего, и в беседе с колоссальными его призраками, забыть хотя на малое время прозу и мучительные мелочи настоящего?» [Тепляков 1833: 4].

«Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова встают в ряд русской и европейской литературы эпистолярных путешествий: «Письма из Франции» (1777–1778) Д. И. Фонвизина; «Письма русского путешественника» (1791–1792) Н. М. Карамзина и следовавшие за ними другие сентиментальные «очерки впечатлений» [Тепляков 1833: III]; «Философские письма» (“Lettres philosophiques”, 1749) Вольтера, «Путешественник» (“The Traveller”, 1764) О. Гольдсмита, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (“Sentimental journey through France and Italy”, 1768) Л. Стерна, «Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции» (“Voyage du jeune Anacharsis en Grèce”, 1788), «Путешествие по Италии» (“Voyage en Italie”, 1801) Ж.-Ж. Бартеlemi, «Письма об Италии» (“Lettres sur l’Italie”, 1785) Ш. Дюпати, «Книга эскизов» (“The Sketch Book of Geoffrey Crayon, Gent. ”, 1819) и «Рассказы путешественника» (“Tales of a traveller”, 1824) В. Ирвинга и др.

¹ «Мне очень хотелось побродить по местам, где свершались великие дела, пройти как бы по следам древности, задержаться у развалин замка, задуматься над рухнувшей башней, в общем, бежать от обыденной реальности настоящего, затеряться среди прославленных теней прошлого». — *пер. с англ. С. С.*

Разумеется, В. Г. Тепляков не следует уже архаичной для начала 1830-х гг. модели сентиментального путешествия. «Письма из Болгарии» — это своеобразное соединение жанров литературного очерка и литературного письма, широко представленных в русской словесности первой трети XIX в. и получивших дальнейшее развитие. Эпистолярная проза В. Г. Теплякова, таким образом, может быть определена в один ряд с «Путешествием» (1821) В. К. Кюхельбекера, «Отрывком из письма к Д.» (написано в 1824 г., опубликовано в 1825 г.) и «Путешествием в Арзрум» А. С. Пушкина (напечатан в 1835 г.), «Хроникой русского» А. И. Тургенева.

Как отмечает Т. Роболли, в это время «развитие прозы идет, аналогично эволюции поэтической линии, в сторону мелких жанров, бывших до сих пор за пределами высокой литературы, составляя, так сказать, литературный быт. <...> Вплетаясь в эту мемуарно-эпистолярную основу, объективный и разнородный материал повестушек, сценок и проч. мотивируется, так или иначе, через восприятие автора...» [Роболли 1926: 42–44]. Письмо как историко-культурный факт играет, таким образом, большую роль в процессе развития русской прозы 1820–1830-х гг. Оно становится неканонизированным явлением русской литературы, которое «своим бытием пытается разрушить канон» [Степанов 1926: 100].

Письмо как жанр органично для творчества литераторов пушкинского круга. В. Г. Тепляков избирает этот жанр для своего произведения, как представляется, из соображений личного характера: наряду с «Фракийскими элегиями», где сохраняется определенная доля условности лирического персонажа, цель «Писем из Болгарии» — убедить читателя в искренности чувств непосредственно автора и утвердить индивидуальность принципов его мировосприятия. Рефлектирующая фигура автора в «Письмах из Болгарии» является стержнем, на котором держится повествование. В этом смысле «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова стоят на пути к русской психологической прозе 1830–1840-х гг.

В 1836 г. В. Г. Тепляков издает второй сборник стихотворений, куда включает цикл «Фракийские элегии», состоящий из семь произведений: «Отплытие», «Томис», «Берега Мизии», «Гебеджинские Развалины», «Гебеджинские Фонтаны», «Эски-Арнаутлар», «Возвращение». К каждой из «Фракийских элегий» В. Г. Тепляков написал примечания и подобрал эпитафию, равно как и к остальным стихотворениям сборника. На наш взгляд, с «Первым письмом из Болгарии» соотносится элегия «Отплытие» и «Томис».

А. С. Пушкин высоко оценил «Фракийский элегии», увидев в них «гармонию, лирическое движение, истину чувств» [Современник 1836: 173]. Он прежде всего обратил внимание на ассоциативно-образную и мотивную связь элегий В. Г. Теплякова с поэмой «Странствие Чайльд-Гарольда» (“Childe Harold’s Pilgrimage”, 1812–1818) Дж. Байрона, подчеркнув при этом, что поэту удалось выразить собственную творческую индивидуальность, не уходя во внешнее, механическое подражание:

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным сочувствием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь [Современник 1836: 170].

В. Г. Тепляков апеллировал к Дж. Байрону не только через реминисценции и аллюзии, но и через сопоставление сюжетной ситуации путешествия / странничества Чайльд-Гарольда и собственной поездки на Балканы. Особенно близка элегии «Отплытие» В. Г. Теплякова «Прощальная песня Чайльд-Гарольда»:

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.
Yon sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My Native Land — Good Night!²
[Byron 1828: 150].

Плывем!.. бледнеет день; бегут берега родные,
Златой струится блеск по синему пути;
Прости, земля! прости, Россия;
Прости, о родина, прости!
[Тепляков 1836: 5].

В. Г. Тепляков отчетливо и последовательно ориентируется и на пушкинскую традицию восприятия и освоения художественной системы Дж. Байрона. Не исключена, в частности, параллель элегии «Отплытие» В. Г. Теплякова с элегией «Погасло дневное светило» (1820) А. С. Пушкина. Пушкинский рефрен «Шуми, шуми, послушное ветрило!» и неточную цитату из «Графа Нулина» (написана в 1825 г., опубликована в 1828 г.) В. Г. Тепляков включит в «Первое письмо из Болгарии», где также поместит строку из первой элегии «Отплытие», тем самым указав на преемственную взаимосвязь собственных произведений с творчеством А. С. Пушкина.

...Потрудитесь обратить взоры свои от берегов родины на безграничность морскую. — Тогда вы только вполне согласитесь со мною, что первое чувство в минуту разлуки с отечеством есть, без всяких *романтических затей*, странное, неизъяснимое чувство. Сначала какая-то непонятная радость овладела моим

² Прощай, прощай! Родной берег // Исчезает в морской пучине; // Дыхание ночного ветра, и рокот волн, // И вопли диких морских чаек. // Садится солнце, // Мы его провожаем взглядом; // Прощаясь с ним, говорим: // «Доброй ночи, родная земля!» — *пер. с англ. С. С.*

сердцем: казалось, оно ощутило внезапное наслаждение каким-то неистощимым внутренним богатством в тот миг, когда натянутые паруса округлились и заколебавшийся корабль тронулся с места. Я расхаживал скорыми шагами по палубе и громко декламировал:

«Шуми, шуми, послушное ветрило!» и проч.

Но эта болтливая радость исчезла вместе с берегами моей отчизны. [Тепляков 1833: 8].

Во второй элегии «Томис» В. Г. Тепляков обращается к теме поэтического прошлого Причерноморья и, начиная с эпиграфа, вводит важную для его творчества фигуру Публия Овидия Назона. В. Г. Тепляков ориентируется на сложившуюся к началу 1830-х гг. поэтическую рецепцию образа Овидия и его творчества. В русской литературе «золотого века» Овидий стал символом поэтического мастерства, воплощением противоречивых взаимоотношений художника и власти, метафорой изгнанничества.

По словам А. С. Пушкина, В. Г. Тепляков «приветствует незримую гробницу Овидия, стихами слишком небрежными» [Современник 1836: 173]. А. С. Пушкин указывает на отдельные стихи и словосочетания, которые написаны с определенной долей нарушения логической и «гармонической точности», и, выделяя в частности «тишина гробницы, громкая, как дальний шум колесницы; стон, звучащий, как плач души; слова, которые святее ропота волн», заключает: «...все это не точно, фальшиво или просто ничего не значит» [Современник 1836: 174]. Также, по мнению А. С. Пушкина, В. Г. Тепляков допускает некоторые неточности в образе Овидия, приписывая ему отчаянную смелость и воинственность.

Эта историческая и психологическая неточность в трактовке характера Овидия у В. Г. Теплякова сознательна: она усиливает отчаяние поэта-изгнанника и практически отождествляет его с лирическим героем. Вообще же в элегии В. Г. Теплякова очевидны смысловые параллели со стихотворением «К Овидию» А. С. Пушкина: например, «Не славой — участью я равен был тебе» у А. С. Пушкина

и «Луч славы не горит над головой твоей, // Но мы равны судьбиною жестокой!..» у В. Г. Теплякова.

А. С. Пушкин отмечал в элегии «Томис» последние «прекрасные стихи» [Современник 1836: 173], начиная со слов «Не буря ль это, кормчий мой?», описывающие бурю, которой был застигнут корабль “La Perseveranza” недалеко от Добруджи. Как сообщает В. Г. Тепляков, перед угрозой кораблекрушения он вынужден был звать на помощь пушечными выстрелами.

«Не буря ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,
Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!»
<...>
«Вели стрелять! быть может, нас
Какой-нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!»
И грянул знак... и все молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный;
Лишь ветра свист, лишь бури вой,
Лишь с неба голос громовой
Толпе отвечают смятенной [Тепляков 1836: 20–21].

Соответствующее место имеется в «Первом письме из Болгарии»:

Море клокотало, сырой и пронзительный ветер свистал подобно миллиону ружейных пуль; корабль наш грозил ежеминутно опрокинуться то на ту, то на другую сторону, и скрыпел, как будто под пыткой. <...> Темнота наступившей ночи принудила нас бросить якорь милях в 15ти от Коварны; но, не взирая на то, грохот наших пушек требовал уже через несколько времени помощи: ответа не было, и кораблекрушение казалось нам неизбежным [Тепляков 1833: 19–20].

Таким образом, «Письма из Болгарии» и «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова составляют своего рода лиро-эпический цикл. Очевидно тематическое и эмоциональное единство этих произведений: рассуждение об истории и культуре южного Причерноморья, о взаимоотношениях человека и природы, осмысление законов бытия, цели жизни частного человека и человечества в целом. В «Письмах из Болгарии» и «Фракийских элегиях» последовательно варьируются одни и те же или близкие темы, мотивы и образы. Но главное, что сближает обе книги — общность лирического героя-странника, неудовлетворенного, пресыщенного жизнью, тревожного, грустного и глубоко задумчивого. «Письма из Болгарии» и «Фракийские элегии» можно рассматривать как элементы «содержательного единства», в которое превращаются автономные литературные произведения и, согласно Л. Е. Ляпиной, приобретают возможность углубленного, «двойного прочтения» [Ляпина 1999: 12].

При этом для понимания единства лирического начала данных циклов необходимо учитывать установку на творческое подражание одному или нескольким определенным литературным источникам. Таким протоисточником для «Писем из Болгарии» и «Фракийских элегий» В. Г. Теплякова стали в первую очередь поэма Дж. Байрона «Странствие Чайльд-Гарольда» и «южные» поэмы и стихотворения А. С. Пушкина. Кроме того, поскольку «Письма из Болгарии» и «Фракийские элегии», очевидно, создавались одновременно, в творческом сознании В. Г. Теплякова друг для друга они являлись художественной основой и комментарием.

СОКРАЩЕНИЯ

Виноградов 1939 — *Виноградов В. В.* Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.; Л, 1939. Вып. 4–5. С. 453–476.

Ляпина 1999 — *Ляпина Л. Е.* Циклизация в русской литературе XIX века. СПб., 1999.

Роботи 1926 — *Роботи Т.* Литература путешествий // Русская проза. Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая отделом словесных искусств. Л., 1926. Вып. 8. С. 42–74.

Русская старина 1896 — Русская старина. 1896. № 3. С. 659–662.

Современник 1836 — Современник. 1836. Т. 3. С. 170–186.

Степанов 1926 — *Степанов Н.* Дружеское письмо начала XIX века // Русская проза. Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая отделом словесных искусств. Л., 1926. Вып. 8. С. 74–101.

Строганов 2009 — *Строганов М. В.* Болгария и болгары в «Письмах из Болгарии» Виктора Теплякова. Доклад на Междунар. науч. конф. «Россия в многополярном мире: Образ России в Болгарии, образ Болгарии в России». СПб., 26–27 окт. 2009. URL: http://www.newruslit.ru/culture/obraz-rossii-v-bolgarii.-obraz-bolgarii-v-rossii.-sbornik-statei.-spb.-sofiya-2010.-internet-versiya/mihail-stroganov.-bolgariya-i-bolgary-v-abpismah-iz-bolgariibb-viktora-teplyakova/at_download/file/ (дата обращения: 30.01.2012).

Тепляков 1830а — *Тепляков В. Г.* Письмо русского путешественника из Варны. Варна 29 марта 1829 года // Литературная газета. 1830. № 6. С. 41–43.

Тепляков 1830б — *Тепляков В. Г.* Письмо второе из Варны // Литературная газета. 1830. № 29. С. 227–232.

Тепляков 1831а — *Тепляков В. Г.* Письмо III из Турции // Северные цветы на 1831 год. С. 177–224.

Тепляков 1831б — *Тепляков В. Г.* Письмо из Крыма к М. И. Л. // Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 110–131.

Тепляков 1833 — *Тепляков В. Г.* Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 года. М., 1833.

Тепляков 1836 — *Тепляков В. Г.* Стихотворения. СПб., 1836.

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 270–281.

Irving 1825 — *Irving W.* The Sketch Book of Geoffrey Crayon, Gent. Paris, 1825.

Byron 1828 — *Byron G. G.* The Works of Lord Byron: Poetry. V. II. London: John Murrey, 1828.